

АТАКА

АТАКА МЕРТВЕЦОВ

Рагим Джафаров

Рагим Джафаров

Атака мертвецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8634850

ISBN 978-5-4474-0317-1

Аннотация

Исторический детектив, который не только освещает легендарный исторический эпизод, но и захватывает читателя удивительным сюжетом.

В городе появляется некий «почтальон», разносящий письма двадцатилетней давности. Через эти письма читатель узнает историю обороны Осовецкой крепости. С появлением почтальона жизнь в городе буквально встает с ног на голову. Таинственным незнакомцем заинтересованы и представители власти и представители криминала. Что же заставляет почтальона разносить письма? Чего он хочет добиться?

Содержание

1	5
2	13
3	21
4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Атака мертвецов

Рагим Джафаров

© Рагим Джафаров, 2014

© Николай Стрелков, обложка, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Косой дождь яростно барабанил по крышам, окнам, мостовой. Сверкнула молния, в ее свете можно было разглядеть пустую, без единой души улицу. Ручейки воды текли с крыш, сливались в ручьи и в какой-то момент образовывали бурлящий поток. Неожиданно явившаяся миру река мчалась вниз по улице, смывая грязь, пыль и мусор. Но, не прошло и пяти минут, как дождь прекратился, а через полчаса небо очистилось от туч. В неверном свете луны город казался мертвым.

Из узкого переулочка на чуть более широкую улицу вышел человек. Одет он был в черную шинель, и ботинки, заправленные в стоптанные сапоги.

На плече у него висела старая кожаная сумка, в темноте она казалась офицерским планшетом. Какого бы то ни было головного убора у него не было, и черные коротко стриженные волосы непокорно топорщились.

– Пацан, чего потерял? – Из переулочка, противоположного тому, откуда вышел человек в шинели, показались две фигуры.

Шли они вольготно, вразвалочку. Руки в карманах, в зубах у одного папироска, картузы надвинуты на глаза. Они обошли паренька по кругу, словно оценивая, после чего встали по обе стороны от него.

– Чего ты молчишь-то, испугался, бедолага? – Ночную тишину прорезал хохот.

– Улица Ворошилова где находится? Мне письмо надо доставить.

– Дом-то какой? – интерес казался неподдельным.

– Шестнадцатый.

– Туда. – Курильщик махнул рукой, указывая направление.

– Знаешь, что? Давай-ка твое письмо, мы его сами отнесем. А заодно и все остальные.

Сумку оставь, а сам – пооди, пацан, отдохни. – Доброхот осклабился, демонстрируя два золотых зуба.

Паренек, пожалуй, можно было его и пацаном назвать, скинул сумку с плеча, после чего сделал три осторожных шага назад.

– Вот и молодец. – грабители синхронно растянули свои физиономии в ухмылках и уже не обращая ни на что внимания присели над добычей.

Грянул выстрел, бандит вскрикнул, взмахнул руками и неловко повалился на бок. Второй молниеносно вскочил на ноги, но лишь для того, чтобы получить пулю в живот. Товарищ его, прижимая руку к шее, пополз к спасительной темноте переулочка. Пуля клюнула его в бедро. Стрелок сделал три шага вперед и сделал еще два выстрела, на этот раз прицельно.

Паренек поднял сумку и торопливо зашагал вниз по улице. Обмелевший уже, но еще не исчезнувший ручеек, нес за ним кровь двух незадачливых бандитов. За минуту до того, как на улицу явились стражи порядка, человек в черной шинели нырнул в арку, ведущую во двор. Он покрутил головой, осматривая подъезды и, найдя искомое, быстрыми шагами двинулся к цели. До шестого этажа паренек буквально взлетел, но потом долго стоял, протянув руку к звонку. Наконец решился и нажал на звонок. Несмотря на поздний час, дверь раскрылась почти мгновенно. Открыл ее высокий, широкоплечий мужчина в военной форме. Старший лейтенант, если судить по погонам.

– Чем обязан? – Голос низкий, грубый.

– У меня письмо для Лидии Сеченовой. – Паренек похлопал ладонью по сумке.

– Что, почтальоны теперь и по ночам работают? – Старлей не скрывал ни недоверия, ни неприязни.

– Я не почтальон. Дело в том, что письмо это сорокалетней давности и... – договорить ему не дали, дверь открылась шире и на пороге появилась дряхлая старуха. Она слепо прищурилась, разглядывая ночного гостя.

– Чем могу помочь, юноша? – голос под стать возрасту был какой-то надтреснутый, дребезжащий.

– Мама, вернись в квартиру, я сам разберусь – но старуха лишь отмахнулась от военного.

– Вы Лидия Сеченова?

– Да, разве мы знакомы? – но гость молча полез в сумку. Долго, минуты три не меньше искал он в ней письмо. Висела нехорошая, нездоровая тишина все это время. Наконец он протянул старухе письмо.

Конверта не было, лишь сложенный несколько раз и пожелтевший от времени лист бумаги. Края его были потрепаны, там и тут виднелись какие-то пятна. «Давай посмотрю, очки-то ты разбила, – военный взял у матери письмо и стал крутить его в руках – написано Лидочке». Женщина вздрогнула.

– Проходите, молодой человек, я угощу вас чаем. – Старуха поковыляла вглубь квартиры.

– Не откажусь. – неожиданный гость проследовал за ней.

Старлей хотел было что-то возразить, но вдруг зазвенел телефон, и он поспешил ответить.

Квартира была просторная, светлая и уютная. Из небольшой прихожей вел длинный коридор, в конце его располагалась кухня. Виднелись еще три двери, но они были закрыты, потому даже представить нельзя, что в них находилось.

– У двери шинель повесьте. – Дребезжащий голос старухи доносился из кухни. Паренек поколебался немного, но потом снял шинель и повесил ее на крючок, оставшись в зеленом кителе без погон, штанов и высоких сапогах.

Мимо него спешно прошел военный, на миг задержал взгляд на кителе. Не удивительно, тот был незнакомому ему и явно устаревшего образца.

– Мама, меня на службу вызывают срочно, надо идти. – И, не дождавшись ответа, двинулся к входной двери, на ходу одевая шинель.

– Ты бы поел, а потом уж шел с богом. – Но он уже вышел на лестницу, а потому ничего не слышал.

Ночной гость двинулся к кухне, как вдруг входная дверь распахнулась, вернулся старлей. Он молча положил письмо, которое видимо в суматохе сунул в карман, на столик у двери, и снова вышел. На том же столике стояла фотография. Очень старая и потертая. На ней молодая и невероятно красивая девушка стояла рядом с важным вида военным. Форма была дореволюционная. Человек в черной шинели пристально вгляделся в погоны. Генерал от инфантерии.

– Очки я разбила, потому придется вам письмо читать.

– С удовольствием мадам, с удовольствием.

Дорогая моя Лидочка, спешу обрадовать тебя тем, что уж совсем близка моя поездка в столицу. В октябре состоится долгожданная встреча. Сердце мое не дает мне покоя, а потому я и места себе не нахожу. Так часто стал писать Вам, что и не знаю уж чего еще сказать. Все мысли мои о Вас.

Прибыл к нам корнет. Совсем молодой, но полон честолубия и отваги. Ему уж довелось побывать на Русско-японской войне, где показал он себя человеком дела. Вот, что он мне сказал во время нашего с ним знакомства...

– Господин ротмистр, поглядите, вон там за балкой, виднеется просека. Может выдвинуть разъезд? – Корнет указал рукой на запад, после чего сунул руки в рукава и съежился. Ротмистр тоже ежился на ветру.

Они стояли на холме посреди неестественной проплешины в лесу. Ни один куст, ни одно деревце не росло на этой возвышенности. Ротмистр – высокий, широкоплечий ковырял каблуком глину. Корнет – низкорослый, худощавый – перекидывал папиросу из одного уголка рта в другой и вглядывался в то самое место, на которое и указал своему командиру.

– Брось чины, Андрей. Здорово нас наградили за наш кутеж, что скажешь? Отправить кавалерию в лес, на болота карлушек разыскивать. Вот тебе и судьба гусара, служить отчизне верно. – Говоря это, кавалерист перестал заниматься геологическими изысканиями, развернулся и стал спускаться с холма. Спутник его последовал за ним.

– Я драгун, Жорж, да и ты теперь тоже.

Было в них что-то карикатурное. Каждый по отдельности не производил хоть сколько-то комичного впечатления, но вместе. Один высок, другой – отнюдь, один светловолос, другой – ни сколько. Андрей и Жорж.

– Бьюсь об заклад, за это же тебя и выгнали из лейб-гусарского полка. Или все же за долги? Будь так добр, поделись историей. – Видимо дружба их позволяла задавать подобные вопросы, потому как Жорж лишь рассмеялся.

– Гусары денег не берут! Но на самом деле дуэль – причина всех моих мытарств. – Ротмистр говорил легко, было видно, что история эта давно им пережита и не вызывает никаких тревог.

– Тем не менее, ты не прав, долги бывают разные. Ты свой вернул, за что и вылетел с теплого местечка. – Суждения Андрея касательно природы долгов заставили Жоржа рассмеяться от всей души.

– Таких долгов я ничуть не боюсь, верну любому с процентами. – Теперь смеялись оба.

– Что с разъездом? – Друзья подошли к коням, которые ждали их у подножья холма.

– Брось, Андрей, люди устали, не вижу никакого смысла продолжать разведку. Мы достаточно удалились от крепости. На рассвете повернем обратно. А если честно, то вся эта разведка лишь способ выставить меня из крепости. Как говорят, я разлагаю дисциплину. – Он легко взлетел в седло, покрутил ус и послал коня шагом. Через несколько секунд к нему пристроился корнет.

– Как бы то ни было, а немцы не минуют Осовец, ты понимаешь сам, им лучше ударить здесь, чем биться о неприступные бастионы Новогеоргиевской крепости. – Андрей внимательно посмотрел на друга.

– Ни секунды не сомневаюсь. Но вести войско через незнакомые леса и болота дело рискованное. Проще сделать это севернее, а главное быстрее. Нет тут ни одной живой души, кроме нас, да, быть может, пары медведей.

Долго ехали они в тишине. Мимо проплывали весьма унылые пейзажи. Чахлые деревца, гнилые болота. Наконец Андрей нарушил тишину: «Допиши письмо, прошу тебя».

– Опять ты за свое, допишу, не сомневайся, приедем в лагерь, так сразу сяду за эти, столь тобой горячо любимые, писульки.

– Я думал ты любишь писать письма – корнет испытующе посмотрел на ротмистра.

– Будь уверен, так оно и есть. Но есть всему разумные пределы. Мне и писать-то то нечего. А уж тем паче учитывая твою просьбу. Не могу я даже представить, что это мое последнее письмо. Ну не могу и все тут. – Жорж так увлекся объяснением, что проглядел ветку, которая сшибла с него головной убор. Друзья остановились.

– Будь по-твоему, не можешь и не надо, но просто напиши все, что хотел бы сказать, иного и не надо. Потом уже будет поздно.

Ротмистр, не слезая с коня, подхватил с земли фуражку, крикнул, отряхнул ее от грязи и надел. Подумал немного, после чего произнес: «А сам-то, будь так добр, напиши такое же письмо, а после мы и обменяемся ими. И когда тебя, а быть может и меня, хотя сомнительно, убьют, письмо это отправится к адресату. Что скажешь?»

– Мне некому писать. Подъезжаем, господин ротмистр.

Они действительно выехали к биваку. Сдали коней встречавшему их ефрейтору, выслушали доклад и прошли в палатку ротмистра. Андрей зажег лампу и поставил на стол, Жорж разложил карту и прижал ее углы. На двух углах лежали книги, на одном стояла рюмка, а на четвертый угол он положил фуражку.

– Итак, нужно отметить ту возвышенность и просеку. Как сильно мы удалились от крепости? – Ротмистр уперся руками в стол и пристально вглядывался в карту.

– От Осовца, от передовых позиций или от Белостока? – Андрей встал у другого края стола и, выудив бинокль из футляра, стал пристально его рассматривать.

– Послушай, от крепости значит от крепости. Мне кажется, я выразился совершенно ясно.

– Тогда ты выставишь неверную отметку, выставяй относительно передовой. Десять верст. – Корнет положил бинокль на стол и ковырялся в нем ножом.

– Не могу найти, вероятно, карта уж слишком неточна. – Жорж наклонился к самому столу, едва не коснувшись носом бумаги.

– Выстрой равнобедренный треугольник. Основанием его будет Осовец и Белосток. Отметь вершину. Потом от нее на восемь часов, дайка подумать, да все верно, три сантиметра по карте.

– Равнобедренный говоришь – казалось ротмистр в отчаянии.

– Я сам отмечу, ты лучше письмо напиши, тем более, что с картографией у меня дела обстоят не в пример лучше твоего.

Каждый занялся своим делом. Андрей в неверном свете лампы корпел над картой, Жорж, в столь же неверном свете той же тусклой лампы писал письмо. Иногда он кричал, охал, ахал и фыркал. Начиная вдруг ходить по комнате или, теряясь в мыслях, долго смотрел в одну точку. Наконец победно воскликнул, выудил откуда-то бутылку спиртного и рюмку. Налил и стал озирается в поисках второй. К тому моменту корнет не только сделал все необходимые пометки на карте, но и исправил бинокль, который, в последнее время, так и норовил разделиться на две подозрительных трубы. Жорж подошел к столу и налил в ту рюмку, что прижимала угол карты, пролив при этом пару капель на бумагу.

– За нас! – И не дожидаясь выпил.

– У меня просто нет выбора, за нас! – Андрей опрокинул рюмку, занюхал фуражкой Жоржа. Карта, лишенная груза с одного края, скрутилась в рулон.

– Держи, глуповатое вышло письмецо.

– Уверен, что написал то, что действительно хотел сказать? – спросил корнет убирая письмо в карман.

Где-то в ночном лесу раздался хлопок. Звук разлетелся по всей округе. Корнет не мог его спутать ни с чем.

– Это выстрел! – Он удивленно посмотрел на ротмистра.

– Брось, кому бы тут стрелять.

В палатку влетел вахмистр и затараторил: «Господин корнет, ой, господин ротмистр, стреляют никак, так я уж велел седлаться, а Гришка»...

– Да уймись ты! Отставить седлаться, некому тут стрелять. Дерево сухое упало. Иди спать. – Жорж зло поставил стакан на стол. Растерянный вахмистр вышел.

– Я уверяю тебя это выстрел. Сомнений нет и быть не может, револьвер!

– Поди вон, будь так добр, картой сам займись. – Жорж смотрел куда-то в пустоту.

Андрей вздохнул, надел фуражку и вышел из палатки, будь тут дверь, так он бы непременно ею хлопнул бы.

Все началось в так называемую собачью вахту, в предутренние часы, когда веки даже самого добросовестного караульного начинают смыкаться. На бивак напали. Шквал пуль ударил из леса, следом полетели гранаты. Ротмистр не спал, а потому при первых звуках выстрелов он надел фуражку, оправился и вышел из палатки. Послышались разрывы гранат, благо он находился в центре лагеря, и никакой возможности добросить сюда гранаты враг не имел. За разрывами слышались крики раненых, потом команды вахмистра и урядников. Жорж быстро зашагал к палатке Андрея, на ходу отдавая приказы: «По коням, драгуны в арьергарде, шестой полуэскадрон в авангарде!» А стоит ли под огнем вскакивать в седла? Скольких достали немецкие пули? Господи, да почему же так случилось. Много мыслей проносилось в его голове, пока он разыскивал Андрея. И все это время свистели вокруг пули. Ему хотелось пригнуться, прижаться к земле, но нельзя, не поймут ни свои, ни враги. Прямо перед ним пуля навывлет пробила казаку голову. Вошла сквозь зубы в рот, почти не оставив следа, а вышла вырвав огромный кусок мяса из затылка.

– Господин ротмистр, куда ты прешь, сукин сын!? – его с силой дернули за плечо. Жорж гневно развернулся. За ним стоял Андрей в полном обмундировании. Нельзя успеть полностью одеться за такое время. Более того, он держал под уздцы лошадь. Его лошадь, оседланную и готовую к скачке.

– Ты ведь все понял?

– Быстрее, все уж в седлах, ждут твоей команды. Жорж, очнись, гибнут люди! – Наконец ротмистр стряхнул с себя оцепенение.

– За мной братцы, будем уходить на Осовец! – Он лихо взлетел в седло и пришпорил коня.

Справа от него пристроился Андрей, слева – вахмистр. Конная лава рванула на прорыв. Место, в котором был расположен лагерь, с трех сторон окружено лесом, но четвертое направление вело на неверное, зыбкое по природе своей, так как местность была болотистой, но, тем не менее, поле. А поле, в свою очередь, вело к просеке, по которой отряд приехал сюда. То есть дорога в крепость лежала через поле. Однако проход перегораживал немецкий отряд. Как уж так случилось неведомо, но пик у них не было. Вероятно, не ждал никто встретить кавалерию в подобном месте. Конница набирала скорость, на ходу ровняла строй. Пули по-прежнему свистели, но расстояние стало больше и, как следствие, попадать стало труднее. Три сотни метров до противника. Немцы готовились встретить противника грудью. Первый ряд их встал на колени, второй продолжал целиться стоя, остальные оказались практически не у дел. Двести метров разделяло кавалерию и пехоту. Кони ржали и выпускали пар из ноздрей, из-под копыт их летели комья сырой земли. Драгуны достали карабины, стали прикидывать расстояние. На самой границе зрения Жоржа кто-то слетел вдруг с коня и закувыркался по земле. Достала немецкая пуля. Многие думали, что, быть может, так оно и лучше, потому как-то, что случится мгновеньями позже, будет стократ ужаснее. Сотня метров. Опустились пики, скользнули шашки из ножен. Уже можно было разглядеть, как кто-то в строю врага принимает более удобную позу, кто-то нервно перехватывает винтовку. Андрей привстал, вытянул руку с саблей вперед, оглянулся и взревел: «С нами бог!» Конь его, как заколдованный, рванул вперед, выбиваясь из строя, корнет лишь засмеялся и прижался к конской шее. Заглушая ржание коней и грохот выстрелов, множество глоток взревело: «За Русь святую»!

Строгий вскрик германского офицера, первый залп. Жорж видел, как погиб оторвавшийся от строя на добрый десяток метров корнет. Множество пуль ударило в его коня и, быть может, в него самого. Но команду отдали поздно и умирающее животное, кувырком, вместе со всадником влетело в строй создавая страшную давку, круша и ломая все на своем пути.

Отчетливый хруст костей донесся до ушей Жоржа. Страшные крики, скорее визги, ударили по ушам. И кровь опьянила людей, кровавый туман от множества пулевых ранений повис в воздухе. Кавалерия врезалась в пехоту. Хрустнули, ломаясь пики, грохнули одновременно выстрелы револьверов и карабинов. Заливистый протяжный вой раненых слился с яростным рыком живых. Жорж рубанул, что было сил, по показавшейся немецкой каске, сабля громко звякнула и соскользнула к плечу. Вошла глубоко, разрубила ключицу и остановилась где-то на уровне сердца. Но конь, не мог так скоро остановиться, а шашка застряла. Ротмистр почувствовал боль в плече, выпустил оружие из руки, достал револьвер. Вдруг, он четко увидел, как немецкий штык входит под ребро вахмистру, тот будто не замечая раны, наотмашь рубанул врага по лицу. Потом вдруг дернулся и схватился за левую ногу. Стоило ему немного наклониться, как голова его оказалась отсеченной немецким офицером. Жорж стал стрелять, не до чести. Первая пуля прошла мимо, хоть расстояние и было пустяковым. Вторая и третья ударили в грудь. Немец отшатнулся, но со звериным упрямством двинулся к ротмистру. Жорж кинул взгляд вправо, как раз вовремя, к нему подскочил очередной герой ландвера. Но подскочил лишь для того чтобы получить пулю в левый глаз и обагрить своей кровью товарища сзади. Пуля, прошедшая навылет зацепила и его. Ротмистр снова повернулся влево и выстрелили в живот немецкому офицеру. Тот, наконец, упал. Кавалерия завязла в людском море, а значит, потеряв свою скорость, стала легкой добычей для врага. Жорж крутил коня, не давая врагу подступиться к нему, и панический ужас охватывал его все больше. Последний патрон в револьвере, а перезарядить его уже не суждено. Куда выстрелить в последний раз, как спастись одною только пулей?

Шум боя прорезал горн. Он возвещал сбор. Но кто, по чьей команде? Впереди в полном окружении на дыбы встал конь, хозяин его дул в горн. Другою рукой он яростно рубил врага. Конь, будто почуяв беспощадность ездока, со звериной силою молотил копытами тех немногих смельчаков, что желали выбить наглого русака из седла. Конечно же, корнет! Кому еще играть на трубе как не ему! К Андрею стали прорываться свои. Спустя миг его прикрывали товарищи, а он продолжал трубить. Наконец и Жорж добрался до него, горн смолк.

– Но как, скажи на милость, я видел, как ты... – договорить он не успел

– Что ты делаешь?! Твоя задача отдавать приказы, а не рубить головы, ну же выводите людей из этой каши! – Андрей яростно смотрел на друга.

– Вперед!

Израненная кавалерия прорывалась сквозь немецкие ряды. И совсем скоро старший унтер-офицер, возглавлявший атаку, понял, что перед ним никого нет. Они прорвались. Не больше сотни человек, но они прорвались.

– Андрей, Андрюша, мы смогли! – Жорж ликовал.

– Быстрее, гони коней вперед, нам будут стрелять в спины! Опомнись же, полоумный! – Так и случилось. Притормозившая по примеру своего командира конница стала таять под нестройными пока залпами немцев. Кони, обезумевшие от крови и боли рванули вперед. Но как бы они ни были быстры, нестись быстрее пули им не суждено. Один за другим падали с седел всадники, уже успевшие почувствовать вкус спасения.

– Командуй приготовиться, из-за того подлеска ударит немецкая кавалерия. – Андрей указал рукой вперед.

– Откуда ты знаешь?

– Потому, что быть не может по-другому. В деле убийства, немцы мастера.

– Ровняйте строй! Унтер, очнись! Правый фланг подтянись! Пики к бою! – необходимость отдавать команды отвлекла ротмистра и преобразила. Он мгновенно оценил ситуацию и делал все, чтобы сделать поредевший свой отряд боеспособным.

– Вон они голубчики! Ну, что, карлушки, не маловато вас!? – их было далеко не маловато. Самое меньше в три раза больше, чем израненных русских. Корнет, казалось, ликовал.

– Андрей, возьми, прошу, отдай ей это, любой ценою. – Жорж протянул другу листок бумаги.

– Ты, наконец, его написал. Но можешь не торопиться, мы проскочим. – Андрей сунул письмо в футляр бинокля.

– Прости, я не думал... Они обещали...

– Оставь, друг мой, гусары ни о чем не сожалеют. Айя! – Он пришпорил коня и рванул вперед точно так же как перед атакой.

– За мной! Унтер, вы за корнетом! – Ротмистр поворачивал коня левее, намереваясь, видимо, схлестнуться с отрядом рейтаров. Андрей продолжал скакать к просеке, таким образом, пути их разделялись.

– Прощай, Жорж! – Ротмистр рассмеялся в ответ. Он скинул фуражку, расстегнул португую, снял китель и остался в одной лишь белоснежной рубашке. Ему передали пику. Он первым ворвался в строй врага.

Два всадника неслись к крепости, используя время, данное им самоубийственной атакой. Андрей не поворачивал головы и смотрел лишь вперед, прижимаясь к конской шее. Старший унтер-офицер же видел, как белое пятно ворвалось в серый строй, окрасилось красным, а потом и вовсе исчезло.

– Господи милостивый, что это было?! Я видела, как он, о господи. – Старуху трясло, крупные слезы катились по ее щекам. Она попыталась взять стакан с чаем, но лишь опрокинула его. Он прокатился по столу и упал на пол, разлетевшись на мелкие осколки.

– Не понимаю, о чем вы мадам. Да и господь нынче не в чести. – Парнишка сидел напротив нее и пристально смотрел ей в глаза.

– Ты бес, ты дьявол! Как ты сделал это, я же все видела! – Она кричала, но голос ее так дрожал, что крика не вышло.

– Не горячитесь, не знаю уж, чего вы видели, но прочитал я лишь несколько строк. Нужно дочитать. Начну сначала.

– Нет, остановись, я тебя прошу! – Выкрик ее прекратился в вой. Человек в черной шинели начал читать заново.

Дорогая моя Лидочка, спешу обрадовать тебя тем, что уж совсем близка моя поездка в столицу. В октябре состоится долгожданная встреча. Сердце мое не дает мне покоя, а потому я и места себе не нахожу. Так часто стал писать Вам, что и не знаю уж чего еще сказать. Все мысли мои о Вас.

Прибыл к нам корнет. Совсем молодой, но полон честолюбия и отваги. Ему уж довелось побывать на Русско-японской войне, где показал он себя человеком дела. Вот, что он мне сказал во время нашего с ним знакомства...

Боже, какая ложь, что я пишу? Я оттягиваю момент, когда открою страшную тайну. Я знаю, поверьте, знаю, Вы меня не любите уже давно. Быть может месяц, день или год. Но боже, как это давно. Простите меня великодушно, я не был ни примерным мужем, ни добрым главой семейства. Но я никогда не взглянул на другую женщину. С первого взгляда Вы покорили меня.

Скажите, ведь все началось с той дуэли? Или, быть может, раньше, какая теперь разница. Я стал Вам нелюбим, я стал для Вас обузой. К чему же я клоню, не знаю сам. Мысли сбивчивы, спутаны. Все так сложно, но в то же время и просто.

Я никогда Вам не рассказывал, что стало причиной той дуэли. Хотя ходили слухи по столице, что мы не поделили девицу, не стоит им верить. Или стоит. Он позволил себе высказывание, порочащее Вашу честь. Какая глупость, но простить ему это оказалось превыше сил моих. Надо сказать, что и мне не делает чести то, что я раскрыл эту тайну, но я человек конченный и финал мой уж совсем скор.

Вы отказались ехать со мною на новое место службы. Я Вас не виню, столица вам к лицу. Вы должны блистать на балах, разбивать сердца мужчин и купаться в роскоши. Такова Ваша судьба и, поверьте, ни я, да и никто другой, иной судьбы для Вас не видит.

А деньги, что же деньги. Вы, верно, считаете, что промотал я их, играя в карты. Увы, но нет, их никогда у меня и не было. Пусть я и потомок знатного рода, но в наследство батюшка оставил мне лишь долги. Однако я делал все, что мог, чтоб образ жизни Ваш, после того как Вы покинули отчий дом, ничуть не изменился. Быть может, мне не удалось, простите великодушно.

Лидочка, дорогая моя, любимая. Я предал Россию. Я получил тридцать серебряников, но боль поселилась в душе. Я отправил деньги Вам. Их хватит для того, чтобы покрыть долги и жить в роскоши и неге всю жизнь.

А мой удел, смыть кровью позор, который покрывает меня. Я больше не могу носить гордое звание Русского офицера. Мне кажется, что китель мой вот-вот вспыхнет на мне. Нельзя так жить, нету сил моих.

*Мы больше никогда не увидимся с Вами. Будьте счастливы, Лидочка!
Ваш Жорж.*

– Благодарю за чай, мадам. А это вам, презент. Вам решать, как применить его. – Паренек положил перед старухой револьвер с вычурной рукояткой. Встал из-за стола и пошел в прихожую. Надел шинель, постоял немного у двери, вышел на лестницу, закурил.

2

Михаил вернулся дамой в седьмом часу утра. Аккуратно открыл дверь и на цыпочках вошел в квартиру. На кухне горел свет, значит, зря крался, мать не спит.

– Не спится? – крикнул он в сторону кухни снимая шинель.

– Миша, подойди сюда. – голос матери был ледяным. Вероятно, его снова ждал тяжелый разговор. Раз в месяц мать проводила с ним воспитательные беседы. Суть сводилась к тому, что пора бы Мишеньке жениться. Но это ни к чему кроме головной боли не приводило. Единственной женщиной, в обществе которой старший лейтенант мог провести более трех часов к ряду, была его работа. Все остальное было ему неинтересно.

– Только не надо говорить мне, что пора бы жениться. У меня была трудная ночь.

– Нет, не в этом дело. – Голос оставался ровным, будто вообще потерял способность меняться.

– Ну, что там у тебя случилось? – Он вошел в кухню, и рука его дернулась к кобуре. Мать сидела с револьвером в руках.

– У меня не простая ситуация. Сядь и слушай.

– Откуда у тебя револьвер, дай сюда! – Он вырвал из рук матери оружие и привычным движением отщелкнул барабан. Глаза его округлились, он присмотрелся внимательнее.

– Да, я стреляла из него. Но только один раз. Мне дал его...

– Куда ты, мать твою, стреляла!? Ты хоть понимаешь, что будет, если тебя арестуют?! – Он вскочил с места и навис над столом.

– Сядь и молчи. Умение орать на женщину не делает тебе чести. – Старуха была абсолютно спокойна.

– Снова твои господские замашки, сколько лет прошло, а ты все живешь в своем мире! – Михаил хлопнул ладонью по столу и сел.

– Револьвер мне принес тот юноша в черной шинели. Много чего произошло с того момента как ты ушел на службу. Но самое страшное, что тайна, которую я хранила очень много лет, теперь уже не принадлежит одной лишь мне. Мальчишка знает про золото, наверное, поэтому хотел довести меня до самоубийства.

– Мама, что ты несешь, какое золото? – Михаил побледнел.

– Немецкое золото. Мой первый муж, как теперь стало известно, получил от немцев огромную взятку за предательство. Не знаю уж, как он именно предал Россию, но золота дали много. Его хватило на то, чтобы покрыть долги, купить пару поместий, роскошно жить до самой революции. А оставшуюся половину я спрятала.

– Половину, да сколько же там золота!? – Михаил встал со стула и возбужденно заходил по кухне.

– Много, но нельзя, чтобы большевики узнали об этом.

– Мама, что ты, в самом деле. Но куда же ты стреляла? – Он вопросительно взглянул на нее.

– В этого юношу, прямо из окна. Зрение слабое, поэтому не могу сказать попала ли, да и темно было во дворе. Однако мне показалось, что он упал. – Михаил задумчиво стучал пальцами по кобуре.

– Во дворе труп нет, следы крови я мог не заметить. Максимум ранила. Все не вовремя, как не вовремя. Наш отдел, рыщет по городу, да и милиция тоже. С другой стороны, он не так уж и опасен. У него нет никаких доказательств. Он вообще знает, куда ты спрятала золото?

– Нет. Достаточно того, что он знает о его существовании. Ты сам понимаешь, что за это золото советы из меня душу вытрясут. А твоей работе в политическом отделе придет

конец. Так или иначе, его надо найти. – Она посмотрела в глаза сыну. Михаил вздрогнул, натолкнувшись на этот взгляд. Такие же взгляды он видел у матерых, хладнокровных эзков.

– Посмотрим, что можно сделать. Стоп! – Он остолбенел. Пять патронов чертов ночной гость отстрелял до того, как принес оружие сюда. Михаил был почти уверен, что знает в кого. Ночью его вызвали на службу из-за пренеприятного инцидента. Застрелен глава одной из шакк воров. В городе сохранялось хрупкое, шаткое перемирие преступности и стражей порядка. За годы сложились правила, которые соблюдали обе стороны. Но среди преступности равновесие было еще более хрупким. И подобная акция могла привести к переделу власти. Милиция была заинтересована в скорейшем обнаружении виновного. Нужно было доказать, что человек это чужой, к местным структурам отношения не имеющий. В том, что так оно и есть, Михаил не сомневался, никто из местных преступников не стал бы устраивать войну на ровном месте. Город стоял на пороге войны. Два трупа, пять ранений. А у него в квартире револьвер, из которого стреляли по тем двум несчастным. Милиции понадобится какое-то время, чтобы выйти на его след и прийти сюда. Что потом? Наверняка многие слышали, как мать стреляла из окна. Плохо, очень плохо. Нужно найти этого человека в черной шинели до того, как сюда придет милиция. Найти и расколоть.

– У тебя есть какой-то план? – старуха подвинулась ближе к сыну.

– Пока нет, но это дело поправимое, лучше расскажи мне про золото. Где оно? – Старуха долго оценивающе смотрела на сына. Наконец решила.

– Золото в Крыму, боюсь, что достать его сейчас нет никакой возможности. Хранится в тайнике. Часть векселями, часть драгоценными камнями и презренным металлом. К сожалению, бумаги уже давно утратили свою ценность, но там и драгоценностей довольно.

– Почему ты раньше об этом не говорила?

– Ты считаешь, что я должна была? Что бы ты сделал с этими сокровищами, отдал бы партии?

– Даже не сомневайся, что я и сейчас так поступлю! Ни копейки себе не оставлю! – Сеченов встал из-за стола и пошел к выходу.

– Миша, куда ты? – На сей раз голос был встревоженным.

– Исправлять твои ошибки! – Старуха тихо заплакала. То же самое сказал ей ее второй муж, когда она видела его в последний раз.

Человек в черной шинели поднимался по лестнице. На шестом этаже он остановился, закурил. Заплеванный подъезд не вызывал у него никаких отрицательных эмоций и этот факт его немного расстраивал. Он считал, что потерял чувство прекрасного. Наконец, паренек набрался смелости и постучал в дверь. Звонка не было. Дверь открыл сухой старик с суровым лицом.

– Чем могу быть полезен, юноша? – странные интонации в голосе заставляли задуматься, ехидничает хозяин квартиры или нет.

– Надежда Овечкина тут проживает? – Человек в черной шинели уже искал в сумке письмо.

– Допустим. – Старик, видимо, был человеком осторожным, но его нельзя было за это винить. Никого в этой стране нельзя винить за осторожность.

– Ей письмо, извольте. – Он протянул пожелтевший от времени конверт.

Старик молча взял конверт, внимательно изучил его глазами, потом присмотрелся к паренюку, будто стараясь запомнить, и закрыл дверь. Тот лишь усмехнулся. Он подошел к окну, закурил. Выпустил клуб дыма, внимательно изучил картину, открывающуюся ему с его наблюдательного пункта. Ему показалось, что какая-то фигура поспешила скрыться в тени, когда он подошел к окну.

Надежда, светлая моя Надежда.

Простите меня, но кто бы мог знать? Я был уверен, что моя командировка пройдет спокойно, и я вернусь в Царицын, где мы поженимся. Но здесь, на краю Российской Империи мне в жены прочат другую. И, простите меня, Наденька, я женюсь.

– Тебя так трясло, что едва удалось вынуть тебя из седла. Такое бывает, я видел вещи похуже. – Андрей улыбался. Бриться и улыбаться одновременно было не очень удобно.

– Страху натерпелся, спорить не стану. Но как же так ваше благородие, вы то и бровью не повели. Нельзя сказать, что я не стреляный, в Польше волнения были, так это, принимал участие. – Унтер, которого, как выяснилось, звали Алексеем, смотрел на корнета.

– В чем участие принимал? В волнениях? – Андрей заулыбался еще шире.

– Как можно, ваше благородие, в усмирении, конечно. – Алеша даже покраснел от возмущения.

– Брось чины, никого же нет рядом. – В комнате кроме них и вправду никого не было.

– Да я понимаю, но непривычно оно к офицеру без чинов обращаться.

Они ушли от немцев и принесли печальные известия на передовые позиции Русской императорской армии. Оттуда телеграфировали в Осовец. Пока Андрея и Алешу осматривал врач, стало известно, что сюда едет комендант крепости. И он желает лично побеседовать с героями. Корнет только морщился от этого глупого прозвища. Врача же не особо интересовали коменданты и герои. «У корнета сломано ребро и пара синяков, у старшего унтер-офицера три резаных раны, но ничего серьезного» – сказал доктор штабс-капитану, который привел раненых в лазарет. Тот в свою очередь, сделал выводы и приказал к приезду коменданта быть в лучшем виде. Выполнением приказа друзья и занимались.

– Почему не испугался, спрашиваешь? Я свое на русско-японской от боялся. – Андрей был наказан за болтливость – бритва легла неровно, и тонкая струйка крови показалась на шее.

– Молодой вы вроде. Слишком даже, сколько лет вам было, когда с желтокожими воевать пошли? – Алеша и есть Алеша. Именно его простота заставляла Андрея улыбаться. Даже во время бритья. Простой мужик из Новгорода. Не сложилось у него ни с семьей, ни с хозяйством. Нашлось ему место в армии. Мужик он был смекалистый, пил мало, не ленился. А потому довольно быстро продвигался по службе.

– Шестнадцать. Тогда впервые и был приставлен к награде. – Алеша раскрыл было рот, но что-то в тоне корнета смущало его, потому и не стал расспрашивать дальше.

– Всяко бывает, ваше благородие, а только одно знаю, что было, то уже прошло.

Они молча надевали отглаженную форму, готовились встретить коменданта при всем параде.

– Плохо Леша вот, что. Очень много тут не стреляных, все драгуны, что были в разведке – ветераны. А здесь... Тяжело будет. – Он надел китель, и Алеша ахнул. На груди корнета красовались ордена, которыми зачастую не могут похвастать бывалые ветераны. Владимир четвертой степени, давали его много за что, но кавалеристу могли дать, пожалуй, лишь за военные заслуги. Он давал своему кавалеру дворянство и сто рублей ежегодной пенсии. Носил его корнет в петлице. Анна третьей и четвертой степени, с мечами. Значит за боевые заслуги. Соответственно на сабле у Андрея должен быть красный темляк и надпись «За храбрость». Да и еще порядка ста рублей пенсии лишними не будут. Сам крест в отличии от других орденов Российской Империи носился не на левой, а на правой стороне груди. Станислав третьей степени с мечами. И ведь еще рублей сто. Но это все ерунда. Был один орден, который просто не мог оказаться на груди этого мальчишки, хотя бы потому, что табель о рангах не позволял. Георгий второй степени, со звездой. Он соответствовал третьему классу табели о рангах, в то время как корнет – двенадцатый класс. Вторую степень

этого ордена давали генералам и командующим фронтами за героические победы в сражениях. Алеша уже и не думал о том, что это еще 400 рублей.

– Что делать-то теперь, георгиевское оружие на прием брать или саблю с Анной? Как глупо я себя чувствую, знал бы ты, друг мой, как глупо. – Андрей держал в руках две сабли. Ситуация была и вправду странной.

– Как, ваше превосходительство, как вы получили Георгия? – унтер готов был пасть на колени, лишь бы получить ответ.

– Дурака одного спас, вот и сделали исключение. Дали не по чину и произвели в звание штабс-ротмистр. А я отказался от звания. Вот и все, Алеша.

Он круто повернулся и вышел из землянки. Унтер рванул за ним. В дверях они буквально столкнулись с господином в гражданском платье. Господин этот был средних лет, с тонкими чертами лица и выглядел ухоженным и аккуратным.

– Прошу прощения, я должен был быть осмотрительнее. – корнет примиряющее улыбнулся.

– Право не стоит, вот это отвага! – Первая и вторая половина фразы незнакомца сильно не согласовывались между собой, но по понятной причине. Он увидел награды Андрея после того, как начал говорить.

– Виноват. – буркнул унтер, не совсем понимая зачем.

– Позвольте представиться. Николай Андреевич Бритте, коллежский советник. – он изобразил вежливый полупоклон и протянул руку для рукопожатия. Чин его соответствовал ротмистру, соответственно он был старше Андрея.

– Андре Тирер, а звание, думаю, вы и так рассмотрели – он тоже поклонился, надо сказать ниже, чем его собеседник и широко улыбаясь пожал руку Николаю Андреевичу.

– Верно, Андре, позвольте узнать, как вы получи...

– Простите мне мою бестактность, но я вас перебыю. Все задают мне этот вопрос, пусть это будет тайной. Лучше я вас угощу чем-нибудь и расскажу солдатских баек.

– Никогда не откажусь послушать увлекательную историю, особенно учитывая, что за этим я сюда и шел. – Они снова вернулись в землянку. За пару минут на столе оказались бокалы, нехитрая закуска и вино. Потекла неспешная беседа. Николай Андреевич, как выяснилось, прибыл в крепость по долгу службы. Проводил какие-то финансовые инспекции или изыскания ни унтер, ни корнет в этом ничего не понимали, тем более не понимали, почему он оказался на передовой, а потому просто делали вид, что внимательно слушают. Но со временем беседа пошла намного непринужденнее и все они, общаясь исключительно дружелюбно, весело гомонили в землянке. Николай с интересом слушал рассказ о прорыве драгунов, Андрей не без интереса слушал о тонкостях финансовой сферы и поинтересовался к кому можно обратиться в том случае, если поместье понадобится превратить в золото и куда это золото девать. Унтер же долго беседовал с Николаем о свадьбе, которую коллежский советник запланировал на декабрь. Наконец, темы для бесед кончились и все сидели молча, молчание это, однако, никого не смущало.

– Андре, то письмо, которое передал вам ротмистр, оно у вас? – спросил Николай, глядя в потолок и попыхивая трубкой.

– Да, конечно, почему вы спрашиваете?

– А если я напишу, возьметесь ли вы его хранить и доставить по адресу в случае моей гибели? – Он продолжал смотреть в потолок. Корнет посерьезнел и пристально взгляделся в лицо собутельника.

– Помилуйте, а вам-то к чему, ведь вы уедете отсюда в течение нескольких часов. Ваш долг не обязывает вас воевать, вы должны нести пользу родине другим образом. – унтер, видимо, был пьян. Ничего подобного он никогда не говорил. Николай удивленно уставился на Алешку.

– Пишите и делайте это прямо сейчас. Другого шанса вам не представится. – Серьезным голосом сказал корнет, встал, распахнул дверь, впуская свежий воздух, и закурил.

Коллежский советник так и поступил. Принялся писать, лицо его посерело, забытая трубка дымилась на столе. Унтер же привалился к стенке и уснул. Ровно в тот миг, когда была поставлена последняя точка в письме, грянул взрыв. Николай вскочил на ноги, не зная, что предпринять. С Алеши вмиг слетели сон и опьянение. Он подскочил к выходу, буквально врезавшись в корнета. Тот же выбросил недокуренную папиросу, быстро, но без суеты прошел к одежде, висевшей на стене, стал одеваться. Николай, следуя его примеру, занялся тем же, но дело это у него не заладилось, руки тряслись.

– Старший унтер-офицер!

– Я, господин корнет! – Алеша вытянулся по стойке смирно.

– Лови, не потеряй. – Андрей, ухмыльнувшись, кинул ему через помещение саблю с красным темляком.

– Не могу, я же не кавалер ордена-то! – унтер переминался с ноги на ногу с жалобным выражением лица и неловко вертел в руках пойманную саблю.

– Анну за что дают? За отвагу, за доблесть и за удачу, как ни крути. Первое и второе ты с лихвой уже проявил, если сегодня удачу свою покажешь и останешься жив, то слово офицера, Завтра Анна будет твоей.

Унтер удивленно воззрился на корнета, тот прошел к выходу и, проходя мимо, хлопнул его по плечу.

– Не разочаруй меня, а если считаешь, что не достоин, так кинь вон под лавку, мне две сабли ни к чему. – Но Алексей прижимал саблю к груди, казалось, он клянется на ней кому-то в чем-то. Наконец оцепенение его прошло, и он рванул за корнетом. Коллежский советник поспешил следом.

Разрывы следовали сериями. Андрей сразу понял, что работает не меньше трех батарей, пока они не пристрелялись, снаряды либо не долетали, либо перелетали позиции русских, но это ненадолго. Вокруг суетились люди, кто-то выкрикивал команды, кто-то подтаскивал ящики с патронами к укреплениям. Раненых видно не было. Во всей этой суматохе ни нашлось ни одного человека, которому было бы дело до троих товарищей, вышедших из землянки.

– Держи, Николай Андреевич, вот смотри, если рубить так... – унтер отдал коллежскому советнику свою старую шашку и спешно инструктировал того по правилам сабельного боя.

– Лучше револьвер ему дай, пойдем, вон там туго будет. – корнет пошагал к первой линии обороны. Смотрелся он в парадной форме и при орденах до жути неуместно.

В темноте послышался слаженный крик сотен голосов. Ландвер в атаке. Андрей стоял в самом на самом переднем крае обороны и внимательно оглядывал все вокруг. Достал бинокль, осмотрелся.

– Унтер, ко мне! – К нему подскочил Алеша.

– Вон там, видишь пулеметчика?

– Так точно, господин корнет!

– Дуй туда и помогай на опорном пункте как сможешь. Не должны его взять, хочешь сам карлов руби, хочешь остальных заставляй, мне плевать. – унтер ничего не ответив рванул в указанном направлении.

Андрей снова осмотрелся. Медленно, все очень медленно. Солдаты еще не были готовы к бою, а немцы уже шли в атаку. Андрей натянул ремешок фуражки, чтобы с головы не снесло.

– Николай Андреевич, вы уж меня простите, но эту ночь вам не пережить. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю, уверен. Сделайте напоследок доброе дело, помогите солдатам подносить боеприпасы к тому опорному пункту.

– Господи, помилуй. – коллежский советник побрел в указанном направлении.

Наконец, немцы пристрелялись, снаряд лег неподалеку от окопа. Взметнулся фонтан земли, Николай упал, но спустя какое-то время встал и снова двинулся к цели. Корнет стряхнул землю с погон.

– Пойдите! – Удаляющаяся фигура резко обернулась, в глазах светилась смутная надежда.

– Да, Андре.

– Отдайте мне письмо и возьмите вашу шляпу, она у вас с головы минуту назад упала. – Лицо Николая снова посерело.

– Ах, да, благодарю. Но об одном прошу, доставьте... – Андре перебил его.

– Слово офицера, сделаю все возможное, чтобы доставить письмо, золото тоже, если вы мне скажете где оно. Вы ведь за этим здесь, не так ли? – Николай порылся в карманах и протянул ему бумагу.

– Тут подробно описано, где спрятано золото, прощайте.

Застрекотали пулеметы. Но ладные атакующие цепи немцев ничуть не дрогнули. Казалось пули не наносят им вреда. Андрей понимал, что происходит, но вот начальники пулеметных расчетов не понимали. Он пошел к пулемету. Новый залп. На этот раз дьявольски точно. Опорный пункт, к которому направлялся корнет исчез, на его месте зияла дымящаяся воронка. На самой ее границе лежал солдат. Пять шестых солдата, если быть точнее. У него не было ноги. Он уже умер, но его товарищ зрелища не выдержал и стал высвобождать содержимое желудка.

Корнет посмотрел туда, где должен находиться унтер. Два снаряда легли в опасной близости от того места, но тем не менее потерь нет. Защелкали винтовки. Видимо отдали команду. Андрей глянул в сторону врага. Рано, слишком рано. Он ускорился, раз этот пулемет уничтожен, придется идти до следующего. Он шел мимо солдат. Те стреляли в сторону врага. Никто не целился. Некоторые утыкали лицо в землю и стреляли куда придется. Кто-то скулил, кто-то матерился.

Снова залп. Андрея толкнуло в спину, и он практически долетел до пулемета. Голова кружилась, в левом ухе отчаянно звенело. Он нащупал чью-то руку и потянул за нее, помогая себе встать. Но снова плюхнулся на землю, рука не имела хозяина. Корнет с глупой ухмылкой изучал находку. Судя по перчатке – офицер.

Звуки, наконец, вернулись, он потряс головой и вскочил на ноги. Сморщился от боли в ребре. Постучал себя по уху, почувствовал что-то липкое на ладони. Кровь, из его левого уха текла кровь. Его кто-то толкнул, мимо пробежал фельдшер. Пулемет трещал не переставая.

– Стой, сукин кот, отставить огонь! – пулеметчик подчинился. По моей команде будешь стрелять. Сейчас пока второго номера найти, этот уже не годится. Пулеметчик тупо перевел взгляд на того, кого корнет назвал вторым номером. Тот стоял, привалившись к брустверу, череп его был сильно деформирован, изо рта текла кровь. Пулеметчик вскрикнул, но тут же взял себя в руки.

Андрей сквозь бинокль посмотрел на своего унтера. В его зоне ответственности пулемет грохотал не умолкая. Нужно было привлечь его внимание. Корнет покрутил головой. Неподалеку от него лежал казак. Он тяжело дышал, воздух из его легких рта вырывался с ужасным хрипом, кровавые пузыри покрывали губы, борода блестела от крови. Широко открытыми глазами смотрел он в небо, судорожно водил руками по телу силясь понять, отчего не слушаются его ноги. Андрей достал револьвер и выстрелил ему в голову. Затем

взял его винтовку. Встал, прицелился, выстрелил раз, другой, третий и, наконец, попал. Пуля ударила в приклад винтовки унтера. Затея очень рискованная, велик был шанс попасть в самого Алексея, но выбирать не приходилось. Какая бы то ни было система передачи сигналов налажена не была. Унтер дернулся, снял с плеча винтовку и почти сразу посмотрел в сторону Андрея. Тот замахал руками над головой. Унтер гневно постучал себя кулаком по голове. Корнет ткнул пальцем в пулемет у себя за спиной, потом указал на пулемет, стоявший около Алексея. Тот нахмурился, но вскоре понял. И утихомирил не в меру ретивого пулеметчика. Андрей улыбнулся и снова глянул в сторону врага. Уже почти, хорошо. Вдруг замолк пулемет и слева от него, он посмотрел туда. И увидел, что офицер, стоящий рядом с пулеметом, кажется прапорщик, смотрит на корнета. Прапорщик указал на себя, потом на Андрея и изобразил рукопожатие. Корнет повторил его жест и в ужасе подумал: «Да что же это творится, никакого руководства. Нет даже сигнальных флажков».

Еще один залп, на этот раз ни один снаряд не разорвался рядом с Андреем. Затрещал пулемет Алешки. Андрей пригляделся, унтер стоит навтыжку, а рядом офицер какой-то. Вдруг произошло невероятное. Алексей не малым своим кулаком саданул офицеру в челюсть, тот упал, пулемет смолк.

– Готовься стрелять по моей команде.

– Так, а чего раньше не стреляли? По ним вон, сколько пулеметов лупит, а они как заговоренные. – Пулеметчик с сомнением глянул на Андрея.

– Они не заговоренные, просто хорошо дело свое знают. Атаку начали совсем изда-лека, вперед не торопятся. С наших максимов и гатлингов дальше девятисот метров стрелять смысла нет. Таковы особенности баллистики. Они только сейчас до девятисот дошли. То есть уже достаточно долгое время мы стреляем совершенно без толку. Есть у них потери, конечно, но позади идущий сразу заменяет погибшего и вот, кажется, будто они неуязвимы. Когда скажу стрелять, посмотришь эффект.

Вокруг Андрея образовался небольшой уголок порядка. Организовалась подача боеприпасов, общая суeta сильно сократилась.

– Давай!

Ударил пулемет, сразу за ним подключились еще два. В это же время немцы, подошедшие на достаточно близкое расстояние, резко ускорились. Пулеметы сразу же прочертили страшные, смертельные пунктиры.

– Из личного оружия стрелять только по моей команде! Короче очереди, мажешь, сукин кот!

Немцы неслись на пули. Снова грохнул залп артиллерии. Андрею снова повезло, но по левую руку от него умолк пулемет.

– Целься! Пли! – Защелкали винтовки. Конечно, точность стрельбы оставляла желать лучшего, а многие вообще не целились, но это лучше, чем ничего. В целом эффект был ужасен. Пулеметы и винтовки разорвали вражеский строй на части. Отдельные группы бежали вперед, некоторые пытались бежать назад, навести порядок в этом хаосе, Андрею казалось невозможным. Но и он недооценивал немецкую военную машину. Вскоре стало ясно, что враг дойдет до окопа.

– В штыки! – Андрей вскочил на Бруствер и обнажив саблю рванул на врага. Он понятия не имел поддерживали ли его контратаку, пошел ли за ним хоть один солдат. На него кинулись сразу два немца. Корнет на ходу рванул бинокль из футляра и наудачу швырнул его в лицо одному из противников. Тяжелый бинокль угодил врагу прямо в нос, немец упал на спину. Второй попытался ткнуть корнета штыком, но Андрей отвел его удар и рубанул поперек груди. Судорожный всхлип. Корнет не стал дожидаться, пока противник упадет, подскочил к первому немцу и кончиком сабли полоснул его по горлу.

Он огляделся, вокруг кипела рукопашная. Далеко не все, кто был в окопе, рванулись в контратаку, а кое-кто даже давал деру. Но этих людей, сумевших перебороть страх и встать в полный рост перед врагом, оказалось достаточно. В этот миг он встретился взглядом с немецким офицером. Они стояли на расстоянии в несколько шагов друг от друга. И немец не принял бой, он потянулся к кобуре. Андрей кинул шашку, больше ему ничего не оставалось. Кинул и попал. прямо в грудь. Рука немца уже доставшая револьвер разжалась. Сам он завалился на спину. Корнет подошел к телу, потянул за рукоять сабли и тут взгляд его упал на револьвер. На рукояти его он увидел герб лейб-гусарского полка. Револьвер Жоржа.

Они победили, но только на своем, маленьком участке фронта. Слева и справа от них бой кипел уже в окопах. Тех, кто не осмелился пойти в штыки, резали словно свиней. Андрей поискал взглядом унтера. Но тот сам подбежал к нему, вместе с Николаем.

– Уходим, нету шансов. Бегом.

Пулеметы пришлось бросить. Тем не менее, отступали они достаточно организованно. У них был маленький, но все же был, запас времени. В отличие от остальных участков фронта, где немцы гнали врага на штыках.

Усталый потрепанный отряд быстро шел по дороге. Времени на отдых просто не было. Война разразилась в полную силу и теперь все понимали это. Ужас пережитого крутился где-то внутри, стараясь утащить разум выживших в пучину сумасшествия. Один лишь Андрей, шагая во главе отряда, насвистывал какой-то марш и, казалось, совершенно не впечатлен недавними событиями.

– Скажите, Андре, вы сказали, что мне не пережить этого, вы видимо ошиблись? – Николай, заляпанный кровью и судорожно сжимавший рукоять сабли выглядел плохо. Корнет видел, что многочисленные, хотя и неглубокие раны, сведут того в могилу. Слишком много крови уходит в землю.

– Как видите, Николай Андреевич, ошибался.

Надежда, светлая моя Надежда, простите меня, но кто бы мог знать? Я был уверен, что моя командировка пройдет спокойно. Я вернусь в Царицын, где мы и поженимся. Но здесь, на краю Российской Империи мне в жены прочат другую. И, простите меня, Наденька, я женюсь. Женюсь на смерти. Сам не знаю, что со мною, но чувствую, что ее костлявые лапы смыкаются на моей шее. Увы, меня подвела фортуна. Я думал этим предприятием улучшить мое финансовое состояние, что заставило бы вашего отца воспринять мою просьбу куда серьезнее. Теперь же выяснилось, что человек, чье золото я должен был тайно переправить в столицу, мертв, а я застрел на передовой. Я не могу вернуться ни с чем, но не могу изыскать возможности увезти столько золота без его хозяина. Он должен был помочь мне с караулами и... Бросьте это ерунда. Все это значит только одно, вы не будете никогда моею женой. Ваш отец не одобрит столь неравный брак. В последние часы мои я могу сказать вам так мало. Надежда, простите меня за все. Я люблю вас, будьте счастливы!

Паренек улыбнулся, потушил папиросу, собрался уходить, как вдруг увидел в окне старшего лейтенанта, встреченного им у Лидии Сеченовой. Тот хмурился и решительными шагами приближался к подъезду. Вдруг дверь, из которой недавно выглядывал подозрительный старик, распахнулась. Но на пороге стояла миловидная старушка.

– Юноша, какое счастье, что вы еще здесь. Пройдите внутрь, пожалуйста, у меня так много вопросов, ах! Надеюсь, вы не против? – старушка поманила его рукой.

Паренек кинул быстрый взгляд на старлея и улыбнулся.

– Ни сколько, мадам, ни сколько!

3

– Хотите сказать, что письма оказались у вас по чистой случайности, и вы решили доставить их? Но позвольте, ведь на них нету адресов! – Надежда Петровна испытующе поглядела на человека в черной шинели. Тот отпил чаю, поставил кружку и улыбнулся.

– Я прошу прощения, но мне пора. – Он встал из-за стола.

– Знаете, потрясающая встреча. Это письмо, оно, как бы это сказать, вдохнуло новую жизнь, вроде как. Дела давно минувших дней, пусть грустно, однако то было настоящее время, с настоящими людьми. А теперь...

– До свидания. – Паренек накинул шинель и вышел на лестницу. Тут он закурил и стал спускаться. Странно, но еще недавно этот же подъезд не вызывал у него никаких эмоций, теперь – казался отвратным. Паренек открыл дверь подъезда, вышел на улицу и двинулся к выходу из двора. Вошел в темную арку.

– Стоять, руки вверх, лицом к стене. – Его деловито прощупали одной рукой, вторая рука, видимо, была занята оружием.

– Товарищ старший лейтенант, это вы? – голос не был испуганным.

– Я, машину водить умеешь?

– Умею. Где же остальные? Вы же не поехали на задержание особо опасного в одиночку? – Казалось, что он издевается.

– Заткнись, шагай. – Михаил грубо толкнул пленника в сторону улицы.

– К чему я веду. Я не сдамся властям. – Старший лейтенант улыбнулся такому заявлению.

– Сопляк, шагай молча. – они вышли из арки, непроницаемая тьма отступила.

– Больше не сделаю ни шагу. – парень встал как вкопанный, даже руки опустил.

– Какой же ты осел! – Михаил не выдержал. Три часа он ждал его в этой арке. И сильно сомневался, что дождется. А теперь глупые капризы. Он просто ударил сопляка по затылку рукояткой револьвера. Не сильно, так, для воспитания. Тот упал и не шевелился. Старлей задумчиво посмотрел на паренька, слегка пнул ногой, но реакции не последовало, пнул еще раз. Идентичный результат.

– Вставай гаденыш! – Михаил принялся отвешивать бедолаге пинки, целясь в ребра. Мимо проехала машина. Старший лейтенант не обратил на нее внимания. Наконец он успокоился, убрал оружие за пазуху и попытался поднять своего пленника. В конце концов, плюнул на все и закинул тело себе на плечи, как раненого товарища. Раненый товарищ в тот же миг прислонил к его горлу стилет.

– Ваше оружие, товарищ. – Михаил аккуратно поставил парня на землю и отдал ему оружие. Хорошо в темноте не видно, как он покраснел. Глупейший трюк, а он купился.

– И, что теперь? Убьешь меня, так тебе потом жизни не дадут, дурак ты.

– Нельзя, нельзя вас убивать, товарищ. О другом подумайте. Воры местные на уши уже встали из-за тех трупов. Куда они пойдут, когда наведут справки? По моему следу, не так ли? Зря ваша матушка в меня стреляла, я ведь ничего ей не сделал плохого. Но люди ночной выстрел запомнят. Глупость получилась, большая глупость.

– Тебе-то что? Ты же парень резкий, стреляешь, стилетом машешь! – Михаил начинал злиться, но сам не очень понимал из-за чего.

– Я предлагаю сделку. Вы устройте мне встречу с ворами, не знаю кто у них там, атamanы или еще кто. А я вас отпускаю. Не хочу вас убивать, нету в этом смысла. Потому, скажите им, что я приду завтра в полночь на пустырь у церкви. Пусть собирают свою свору.

– Ты совсем ума лишился? С чего они мне поверят? Да и... – Договорить пацан ему не дал.

– Не мое дело убеждать в чем-то эту шайку. У меня к ним есть вопросы, пусть собираются в полночь на пустыре. В ваших интересах убедить их.

– Что за чушь ты несешь!? – Михаила уже трясло от глупости ситуации. Ответа не последовало, старший лейтенант постоял еще немного в темноте, потом развернулся, поводит перед собой руками, сплюнул и зашагал куда-то.

Человек в черной шинели бежал по улице. Так мало времени, так много надо сделать. Проскочил мимо подъезда, затормозил, проскользнул внутрь. Побежал по лестнице, остановился у двери. Звонка нет. Паренек стал стучать. Не меньше пяти минут прошло, прежде чем открылась дверь. Открыла ее красивая молодая девушка.

– Простите, Екатерина Аренс тут здесь проживает? – Девушка удивленно посмотрела на неожиданного гостя.

– Нет, у нас тут с такими фамилиями никого нету. Во всем подъезде. – Она участливо посмотрела на нахмурившегося парнишку.

– Оленька, кто там? – Донесся голос откуда-то из квартиры. Говорила, судя по всему, женщина. Девушка открыла было рот, чтобы ответить, но ее опередили.

– Посыльный мадам, я полагаю, вам знакома Екатерина Аренс? У меня для нее письмо от графа Белова. – Послышались неспешные шаги. Из-за девушки показалась старая, сухая женщина. Холодные глаза на стальном лице буквально вонзились в паренька.

– Кто вы? – Голос жесткий, сухой.

– Как я и сказал, посыльный. – Он протянул женщине потрепанный листок бумаги. Та взяла его не глядя.

– Пройдите. – Екатерина подвинула девочку, которая так и стояла с открытым ртом.

– Это лишнее.

– Я настаиваю.

– Что же, у меня нет выбора, раз дама просит.

– Бог мой, вы просто его копия. Я смутно помню, но манера разговора. – Женщина говорила это прежним холодным тоном, выражение лица ее ничуть не изменилось.

– Боюсь, не понимаю, о чем вы. – Паренек повесил шинель у двери и прошел вслед за хозяйкой в гостиную. Та села в кресло и указала гостю на другое кресло, стоявшее напротив.

– Оля, сделай гостю чаю. Крепкий, без сахара и принеси ему моих папирос. – Оля закрыла наконец рот, но широко открыла глаза, после чего окинула безумным взглядом гостя. Немного постояла и ушла в сторону кухни.

Хозяйка квартиры накинула на плечи плед, надела очки и, держа письмо одной рукой, углубилась в чтение. Паренек же тем временем встал из кресла и стал разглядывать книги, коими изобиловал этот дом. Множество книжных полок давали ему возможность увечья изучением литературных пристрастий хозяев.

Катенька, прекрасная моя Катенька! Я уехал в такой страшной спешке и так и не успел с вами попрощаться, как следует. Я думал, что уезжаю ненадолго, что будет еще время, что все у нас впереди! Как глупо с моей стороны. Знаете, я встретил удивительного человека.

– Господин полковник, что будет через сорок восемь часов? Я верю в Россию, я не верю в наших головотяпов. Я прошу вас не доводить текст телеграммы до гарнизона. Прикажите продержаться сорок восемь часов и люди простоят, прикажите сражаться и крепость никогда не падет! – корнет тяжело дышал, казалось он вот-вот напрыгнет на полковника. Тот же, скрестив руки за спиной, смотрел в окно.

– Вы свободны. – полковник даже не обернулся. Корнет вышел из кабинета.

В коридоре его ждал бывший старший унтер-офицер, нынешний вахмистр Алексей.

– Что там, завернул вас господин полковник? – Новоиспеченный кавалер Анны участливо посмотрел на корнета.

– Не знаю, Леша, не знаю. – Они зашагали к выходу из форта.

– Чего-теперь-то? Немец прет ведь, а мы сидим тут, как зайцы дрожим.

– Пол беды Алеша, что сидим. Но скоро и того хуже станет, побежим ведь. Ландвер не шутка, но можно и с ними драться. Нужно контратаковать и откатить их от крепости, иначе задавят нас своей артиллерией. Их нужно отогнать дальше Сосни, хорошо бы дальше Белашово, но это уже фантазии.

– Андрей, друг мой! – Прямо перед ними возник кавалерийский подполковник. Он широко улыбался и раскинул руки, намереваясь заключить корнета в объятия. Что и сделал, Андрей скривился и закричал.

– Саша, убьешь ведь, у меня ребра сломаны!

– Они у тебя всегда сломаны, это у тебя хроническое! – Тем не менее, он отступил на шаг назад и окинул корнета восхищенным взглядом. Корнет согнулся, уперся руками в колени, попытался представить своих друзей друг другу, но дыхание ему не позволило. Поэтому он просто улыбнулся и махнул рукой. Впрочем, подполковник и вахмистр и сами сумели познакомиться.

– Мы с Александром вместе прошли русско-японскую. Если и есть в мире человек, который также отчаянно дерется саблей как он, то жив этот человек лишь потому, что с Сашей не встречался. – Полковник рассмеялся и хлопнул корнета по плечу, отчего тот выронил папиросу.

– Брось Андрей, если я тебя учил размахиванию саблей, это не значит, что я умею много больше твоего! Много ли ума надо, чтобы вертеть над головой железку!? – Он отшучивался, конечно.

– Я думал ты теперь при генштабе, и служба у тебя похожа на ананасы в шампанском. Почему ты тут? – Корнет внимательно смотрел на боевого товарища.

– Знаешь, я себе по-другому службу в столице представлял. Надоело выслуживаться, хочу, как раньше, свист пуль и горячий конь, понимаешь? – Подполковник показал кулак какому-то нерадивому драгуну и снова повернулся к корнету.

– Понимаю, Александр, понимаю. – Он пристально смотрел в глаза другу.

– А ты все корнет? Сколько раз от повышения отказался, пять?

– Шесть. Послушай, может ты сможешь повлиять на... – Подполковник не дал ему договорить, стал поливать отборной бранью все того же нерадивого драгуна.

– Андрей, там без меня совсем беда, мне надо идти. Сегодня вечером мы с тобой обязательно выпьем и все обсудим. Знаешь, я надеюсь возглавить контратаку по левому флангу и очень хочу, чтобы ты мне помог. – Он развернулся и, придерживая шашку, зашагал к своим людям.

– Господин корнет, дурак вы! – Вахмистр зашагал в другую сторону. Андрей долго смотрел ему вслед удивленно подняв брови.

Обстрел начался через пятнадцать часов после штурма передовых позиций. Сначала пришла новость о том, что пали сосненские позиции, а потом стали падать снаряды. Большинство их поначалу уходило в реку, но со временем точность выросла. Они врезались в старые стены выбивая целые блоки кирпича или бетона, поднимая облака пыли и создавая чудовищный грохот. Потом военный журналист напишет так «Страшен был вид крепости, вся крепость была окутана дымом, сквозь который, то в одном, то в другом месте вырывались огромные огненные языки от взрыва снарядов; столбы земли, воды и целые деревья летели вверх; земля дрожала, и казалось, ничто не может выдержать такого ураганного огня. Впечатление было таково, что ни один человек не выйдет целым из этого урагана огня и железа». Но это будет потом, а сейчас Андрей стоял на холме неподалеку от форта и чувствовал, как

в груди отдаются взрывы. Весь огонь был сконцентрирован на бастионах, батарея, стоящая отдельно от крепости, пока не обстреливалась. Он тревожно ходил взад-вперед, иногда оставаясь, чтобы взглянуть в ужасную картину. Каждые четыре минуты немецкая артиллерия обрушивала на русскую крепость смертельный град

– Господин корнет! Велено отвезти... – Андрей ждал этих слов, не дослушав прибывшего посыльного, он опрометью метнулся к лошади, вскочил в седло и галопом помчался к крепости. За ним мчался вахмистр. Они ворвались в облако пыли и дыма, где вынуждены были сбросить скорость. Вскоре показались ворота крепости. Лица часовых были обмотаны какими-то тряпками, не смотря на это они периодически чихали и кашляли. Всадники подъехали к стене вплотную и выждали пару минут, когда отгрохотал очередной залп они вышли из-под укрытия стены и въехали во двор. Не смотря на плотный обстрел крепость пострадала мало, однако плац был раскурочен. Весь внутренний двор представлял из себя множество воронок разного размера. Андрей спешил и быстро зашагал к каземату, за ним шел Алексей. Из каземата вышел солдат, что-то стал кричать корнету, указывая рукой в небо. Но рассмотреть что-либо в небе было невозможно, мешала завеса дыма и пыли. Поэтому друзья просто продолжали идти вперед. Вахмистр запнулся обо что-то и рухнул на землю, словно мешок с мукой. Андрей тревожно посмотрел на него, но видя, что ничего страшного не случилось улыбнулся.

– Да ты никак пьян? – Алексей что-то бубнил под нос, отряхиваясь, потом нагнулся, стал что-то дергать из земли. Наконец он выпрямился, в руках у него было что-то вроде карандаша, только более крупного размера и не деревянного, а железного.

– Что за ерунда? – Он посмотрел на корнета и почесал затылок.

– Это флешетта, а значит, они подтянули цеппелины или аэропланы. Быстро, надо сказать, но глупо. Не видно же ничего, да и бьют ими по пехоте или по кавалерии, но уж никак не по фортификациям. Пойдем, бомбить скоро будут.

Андрей повернулся к каземату, как вдруг услышал свист, затем звон и треск. Он pokrutil головой, но ничего особого не увидев, корнет зашагал дальше. К нему навстречу бежал солдат. Он все понял. Резко повернулся на каблуках. Алексей стоял с вытаращенными глазами, ступню его пробила флешетта, пришив таким образом вахмистра к земле. Четкая линия смертоносных карандашей прочертила двор, зацепив и Алексея. Кто мог подумать, что в голову немецкому пилоту придет сбрасывать эти проклятые железки на крепость. И кто мог предположить, что он в кого-то попадет. Корнет стоял, тупо уставившись на друга. Солдат стал тащить его за собой, Андрей лишь отмахнулся от него, словно от мухи. Реальность прорезал ужасный свист. Следом за ним пришел жуткий грохот. Новые столбы пламени взметнулись кругом. Сбило с ног солдата, который не успел укрыться, пытаясь помочь голупому корнету. Из ушей его хлынула кровь, а глаза выбило мелкими осколками. Взрывом с него сорвало шинель, и она упала неподалеку. Двухсот десяти миллиметровый снаряд, неведомо каким чудом угодил в караулку, находившуюся за стеной крепости. От нее просто не осталось следа, лишь дымящаяся воронка. Крупный осколок сбил с Андрея фуражку. В щепки разлетелась какая-то пристройка. Обломок доски ударился о ножны Алексея. Корнет словно проснулся, он подскочил к другу, наклонился и обхватил голенище его сапога.

– Нет, ваше благородие! – но тот, конечно же не слушал.

– Да, Лешка, да!

Флешетта ушла глубоко, потому вырвать ее было невозможно. Оставалось одно, тянуть ногу вверх, таким образом, ненавистная железка пройдет сквозь ступню. Корнет напрягся и дернул что было сил. Алексей взревел, оба они повалились на землю. Андрей не теряя ни секунды, вскочил на ноги и потащил друга к ближайшей воронке. Теперь они были в относительной безопасности. Лишь, когда лег в землю последний снаряд этого залпа он вылез из своего укрытия. Теперь можно было не торопиться. Андрей поднял фуражку. Та была

насквозь пробита осколком и края уродливой дыры еще дымились. Корнет криво ухмыльнулся и натянул ее на голову. Теперь путь его лежал в кабинет коменданта. Оставалось лишь дотащить до каземата потерявшего сознание Алексея.

К тому моменту, как он добрался до своей цели, загрохотали новые взрывы. Мир затрясся, будто в приступе кашля. В груди отдавался каждый взрыв, с потолка сыпалась бетонная крошка. Дверь кабинета коменданта сама распахнулась, будто приглашая корнета. Часовой покосился на нее и вздохнул, наверняка после каждого залпа она открывалась.

– Закройте дверь, рядовой! – Крик донесся из кабинета, голос хриплый, усталый. Солдат потянулся было к ручке, но корнет махнул ему рукой, зашел внутрь и закрыл за собой дверь.

– Господин полковник...

– Бросьте, не до того сейчас. Подойдите сюда. – Полковник склонился над картой, в зубах у него дымилась папираса. Китель расстегнут, фуражка лежит на столе. Неподалеку, на диване сидел Саша и мутным взглядом смотрел в стену. Темное с низкими сводчатыми потолками помещение заволочло сизым дымом. Едва можно было увидеть противоположную стену.

– Чем могу служить? – Андрей двинулся к разложенной на столе карте.

– Нам нужен свежий взгляд, что скажете. – полковник не отрываясь от карты, глаза у него слезились от дыма, он не моргая смотрел на бумагу перед собой.

– Надо понимать, что они раз за разом кладут снаряды точно в цель. Будто знают куда стрелять. Первые залпы нанесли колоссальный урон, что происходит? – Саша, наконец, вышел из оцепенения и посмотрел на друга.

– Жорж продал им все чертежи и схемы коммуникаций, до которых только смог добраться. Потому-то они и стреляют как на стрельбище. – Слова корнета вызвали удивительную реакцию. Подполковник вскочил с места, схватил графин, стоявший на столе, и швырнул его в стену. Тот разлетелся на тысячу осколков, будто немецкий снаряд.

– Успокойтесь, если уж вам угодно, то мечите графины в немцев. – Холодный тон коменданта протрезвил гусара, тот смущенно посмотрел на дело рук своих и снова сел на диван.

– Беда наша в том, что мы не умеем использовать полученную информацию. Немцы, скрупулезные до мозга костей, будут следовать плану, и укладывать снаряды туда, где на плане нарисованы окопы, фортификации, наши батареи. Они готовят штурм, это понятно. Так не изменить ли нам картину? Пусть крепость и бастионы никуда не деть. Но укрепления, опорные пункты и живую силу можно передвинуть. – Андрей водил по карте карандашом, делая едва заметные пометки.

– Я думал об этом. Другого варианта все равно нету. Сейчас вопрос в другом, как доставить в крепость новые орудия. Те, что есть в крепости сильно устарели, нам обещают две стопятидесятимиллиметровки Канне.

– Связи, я так понимаю нет, а дороги разрушены артиллерией? – Корнет внимательно смотрел на карту.

– Так и есть, пусть мы и не в окружении, но как доставить сюда орудия, я искренне не понимаю. – полковник стряхнул пепел и снова стал вглядываться в карту.

– Так же, как мы сделали это во время русско-японской. Сейчас ничего не спланировать, нужно просто тащить их сюда.

– Боже нет, снова этот кошмар, прошу не надо. – Подполковник обхватил свои плечи и сгорбился. Глаза его, невероятно широко открытые смотрели на Андрея.

– Возьми себя в руки!

Новый залп накрыл крепость. Пронзительно завизжал часовой у двери, посыпалась бетонная крошка с потолка. Все присутствующие в помещении замолчали, сложно было

понять, стучит ли так громко сердце, или новые снаряды падают на головы защитникам крепости.

– Триста восемьдесят миллиметров, надвратная башня. – Комендант оторвался от карты, теперь стоял он ровно, будто к спине оглоблю привязали. Взрывы продолжали проверять стойкость защитников.

– Двести десять, малый плац. – Корнет стоял, скрестив руки за спиной.

– Триста восемьдесят, хозяйственная пристройка, свинарник, вроде бы. – Подполковник задумчиво посмотрел на друга. Так и играли они в эту ужасную игру, пока не умолк грохот снарядов. Визг часового стал утихать, видимо его тащили уже к доктору.

– Щедро стелют. Каждые четыре минуты залп. Так к концу недели тысяч двести пятьдесят снарядов на нас изведут.

– Столько и обещали. Ах, вам же не известно. Перед началом обстрела прибыл в крепость немецкий парламентар. Предлагал дать нам денег ровно столько, сколько уйдет на снаряды, отведенные для уничтожения крепости. Уверял, будто в сорок восемь часов крепость падет! А снаряды им тратить, видите ли, не с руки, потому и предлагал за них нам заплатить, а боеприпасы сэкономить. – Полковник оживился и говоря это стал энергично жестикулировать.

– А что же вы? – Корнет смотрел с интересом.

– Предложил ему пари, если за сорок восемь часов крепость падет, он меня повесит, если не падет, то я его. И знаете, он имел глупость согласиться. Сидит в соседней комнате, ожидает чуда. – все трое рассмеялись, смех был вымученный, но сделалось легче.

– Мне нужны люди и еще один офицер, тогда пушки будут в крепости. Хорошо бы с пластунского полка, да и казаков. – Корнет задумчиво смотрел на карту.

– Берите все, что нужно, считайте, что у вас карт-бланш! – полковник хлопнул Андрея по плечу.

Саша посмотрел другу в глаза и медленно замотал головой, никто не мог усомниться в его доблести, но что-то, что пережил он во время русско-японской войны, оказалось сильнее его.

– Где взять мне добровольца из офицеров?

– Вообще-то есть один, он уж просился, но я, честно говоря, в его способностях в подобных делах сомневаюсь. Точнее будет сказать не в способностях, а... По чести говоря, он опозорил себя бегством однажды, мне трудно теперь доверять ему, хоть человек он и хороший, но нету в нем военного склада.

– Такой-то мне и нужен, велите ему готовиться к отправке, господин полковник, выезжаем через час. Я пока проведу вахмистра.

Выехали они много быстрее. Из-за обстрела сборы имели весьма специфический темп. Три минуты все быстро носились по двору, потом минуту или две прятались в казематах, после того как падал последний снаряд все начиналось снова. Наконец корнет вскочил в седло, махнул рукой и рванул с места в карьер. Отряд из сорока человек рванул следом. Однако держать такую скорость оказалось невозможным, лошади переломали бы ноги. Потому вскоре пришлось перейти на рысь. К Андрею пристроился справа тот самый офицер, что «опозорил себя бегством однажды». Это был средних лет широкоплечий мужчина. Лицо, будто из мрамора, подбородок выдавался вперед, мощные скулы вызывали из памяти картины с германскими воителями. Выправка выдавала кавалериста. Держался он подчеркнуто официально, губы сжаты в тонкую линию.

– Господин корнет, ввиду того, что командование операцией предоста...

– Да, господин ротмистр, вам не доверяют. Потому и возникла ситуация, в которой корнет приказывает ротмистру, и я намерен требовать неукоснительного выполнения приказов. Меня не волнуют ни ваши принципы, ни ваше звание, ни ваше прошлое. Как только

вы позволите себе рассуждать о том, как было бы лучше, я намотаю ваши кишки на эфес моего клинка. – Их взгляды скрестились, ротмистр вздернул подбородок и яростно вперился в глаза Андрею.

– Следите за своим языком, иначе я вынужден буду просить сатисфакции! – После этих слов корнет остановил коня, спрыгнул на землю. Весь отряд остановился, люди решительно не понимали происходящего.

– Я предупреждал вас о том, что будет, если вы начнете рассуждать? Слезайте с коня и защищайтесь. – Андрей сошел с дороги, и скрестив руки на груди смотрел на ротмистра.

– С удовольствием.

– Как вас зовут, что написать на вашей могиле? – Корнет достал саблю из ножен и рассматривал ее, будто впервые увидел.

– Жан-Жак Булонь... – корнет снова перебил его на полуслове.

– Так и напишем трусливый французишка. – Ротмистр взревел и выхватив шашку рванул к Андрею. Спустя лишь миг он замер как вкопанный. Корнет направил на него револьвер.

– Какого черта, где ваша честь?! – Возмущению француза не было предела.

– Если ее нет у вас, то не надо искать ее у меня, я продал ее первому же японцу, которого встретил на поле боя. Он купил ее у меня без остатка, а на сдачу получил еще и свинца. Кто сказал, что мы бьемся на саблях? Вы идиот? Но раз уж вы проявили такое страстное желание быть зарубленным, так и быть, я вас зарежу как свинью прямо на глазах у всего отряда.

– Вы просто трусливый, малолетний неуравновешенный сопляк, который строит из себя неведомо что! Для кого все это представление? Для казаков, да им плевать на ваши потуги заслужить авторитет, они просто делают свое дело! Всем плевать на вас, сколько бы вы ни кичились! Здесь война и важны здесь лишь поступки и результаты. – Крики ротмистра перекрывали грохот немецких снарядов. Корнет тем временем убрал револьвер в кобуру, вложил саблю в ножны и подошел вплотную к ротмистру.

– А мне ли вы это сказали? Быть может себе? Поэтому прекратите кичиться и делайте свое дело. Здесь важны лишь поступки и результаты. Я во время русско-японской, убежал из стольких драк, в скольких вам за всю жизнь не поучаствовать. Подумайте о результатах. – Сказал он это буквально на ухо ротмистру, который трясся и судорожно дышал. Андрей вскочил в седло и отправил коня рысью. Отряд двинулся следом, только ротмистр продолжал стоять на обочине.

К ночи отряд добрался до исправного телеграфа, откуда послали известие о том, что скоро придут в укрепленный пункт. Просили подготовить пушки к транспортировке. Выяснилось, что лафетов у орудий нет, лицо Андрея посерело, он вспоминал какие-то давно забытые события. К полуночи они добрались до орудий. Две огромные пушки покоились на телегах. Корнета такое положение дел сильно не устраивало. Он решил, что сам контролирует все, что связано с укладкой орудий. Отряду корнет разрешил отдыхать, после чего попросил у местного начальника людей и приступил к укладке орудий. Их нужно было снять с телег и уложить заново, так, как этого хотел он. Андрей работал без остановки, что-то тревожило его. Он вязал узлы так, будто от них зависит жизнь. Каждое колесо, каждая спица были проверены. Пять телег были забракованы по каким-то одному ему ведомым причинам. Местное командование начинало злиться, но так как наглый корнет был посланником полковника, оставалось лишь терпеть его странности.

– Скажите мне на милость, голубчик, ну к чему вам эти балясины? – Капитан указал на несколько десятков деревянных шестов, больше всего напоминавших оглобли. – Андрей посмотрел на них.

– Если телега пострадает от взрыва, мы не сможем быстро нести орудие, но если же и люди пострадают, то его будет невозможно сдвинуть с места. Оглобли можно использовать

и как носилки для ствола и как катки. Впрочем, хорошо, когда они есть и очень плохо, когда их нет.

– Но можно просто катить ствол, к чему сложности?

– Попробуйте, на деле это много сложнее, да и не всегда его можно катить. Однажды мне пришлось использовать как катки, оторванные части тел моих сослуживцев. – Корнет, не прощаясь, покинул собеседника.

Рано утром, еще до рассвета отряд двинулся обратно. Лучших лошадей запрягли в повозки, так или иначе, теперь именно они определяли скорость движения. В авангарде ехал Жан-Жак, в арьергарде Андрей. Сохранялась угрюмая тишина, все понимали, что кто-то не дойдет. Им не войти в крепость всем вместе. И каждый думал о том, что это будет не он. Все хотели жить, только корнет, глядя на фигуры казаков, удрученно покачивал головой.

– Ротмистр, ко мне! – Жан поспешил к начальнику.

– Ротмистр... – И снова его перебили.

– Давай письмо, ты ведь написал уже. Каждому свое, мне жизнь, тебе подвиг, дело твое. – Глаза ротмистра расширились от удивления, он машинально полез в карман за письмом.

– Но как...

– Свободны, в авангард!

Все началось в двух километрах от крепости. Артиллерия стала посылать снаряды в них, конечно огонь велся с закрытых позиций, сомнительно, что неподалеку находились корректировщики. Либо Один помогал немцам, либо очередное предательство.

– Разомкнись! Внимание на левый фланг! – Из авангарда к Андрею спешил Жан-Жак.

– Не может быть, они бьют по нам! Никто не мог знать! Господин корнет...

– Жди вражескую кавалерию. Я на этих пушках весь ландвер порублю, но в этот раз они будут доставлены. – Ротмистр лишь на миг заглянул в глаза начальника и отшатнулся. Ни капли разума, только ярость и решимость любой ценой довести груз до крепости.

Не смотря на работу артиллерии они продолжали продвигаться. Слишком маленькая цель для того, чтобы можно было стрелять по ней с одиннадцати километров. Но так было угодно судьбе. Один снаряд упал неподалеку от первой телеги, возниц сбросило на землю, одна лошадь умерла сразу, три других забились в страшных судорогах. Правый борт телеги был разрушен, задняя ось проломлена. Теперь ствол орудия смотрел не горизонтально, а под тридцать градусов вверх. Андрей соскочил с седла и бросился к возницам. Один был мертв, второй выгнулся дугой и жадно хватал воздух. Все его лицо было обожжено, из-под ошметков век жуткой белизной отсвечивали глаза. Он молотил руками по земле и продолжал свой ужасный, бесконечный вдох. К лошадям подскочил казак, но едва присмотрелся к переломанным и посеченным осколками ногам, снял с плеча винтовку.

– Враг! – Андрей не обернулся, достал револьвер и приложил его к виску раненого. Тот продолжал выгибаться и молотить руками. Два выстрела раздались одновременно.

– Спешиться! К бою! – Корнет понимал, что теперь, когда часть его отряда едет не на своих лошадях, им не выиграть кавалерийской схватки.

– Ставь лошадей вокруг телег! – Казаки мешкали, но нехотя выстраивали лошадей живым щитом. Жан-Жак подгонял их и равнял круг. Шутка ли, подставить под пули своего верного друга, который спасал не раз когда-то твою жизнь. Враг не стал наскакивать на занявших плотную оборону русских, закружилась смертельная карусель. Широким кругом скакали немецкие драгуны, посылая пули во врага. Казалось, они бесконечны, невозможно было уловить лиц людей. В дикой круговерти все смешалось. Пули прилетали со всех сторон, некуда было от них спрятаться.

– Опережение на пол корпуса! – Жан-Жак ревел как раненый медведь. Андрей улыбнулся и, выглянув из-за крупы убитой уже лошади, стал целиться. Чья-то пуля ударила

в спину лошади совсем рядом с корнетом и на лицо ему брызнула горячая кровь. Он продолжал целиться.

– Отставить стрельбу, сукины дети! Целься! – француз вскочил на телегу в полный рост оглядывая своих людей.

– На полкорпуса, балда! – слева от Андрея старый казак наставлял молодого, корнет продолжал целиться.

– Пли! – Ротмистр выстрелил и сам. Координированный залп оказался страшен. Почти половина отряда врага была уничтожена вмиг. Кто-то падал из седел, кто-то падал вместе с лошадьми ломая кости и снося товарищей. Заржали кони, закричали раненые, слышались команды немецких офицеров. Круг стал сужаться.

– В штыки!

Так и было, немецкие офицеры решили, что пора перейти к рукопашной. Андрей вскочил на труп лошади и выхватил шашку. К нему подскочил вражеский кавалерист, корнет выстрелил ему в лицо и отскочил назад, на телегу. Чья-то пика едва не пронзила ему грудь. Невероятным прыжком вылетев из седла, немецкий офицер подскочил к нему. Корнет хотел было выстрелить в него, но тот полоснул саблей и вышиб из его руки револьвер. Благо пальцы не отрубил. Враг ослабился и стал наступать, бешено размахивая саблей, Андрею отступать было некуда, он уже стоял на пушке. Зазвенела сталь. Отчаянные удары не оружия, но воли. Враг оказался сильнее, жуткая боль прожгла ногу. Корнет спрыгнул с телеги, фактически просто упал, и закатился под нее. Противник спрыгнул следом и тут же получил по ногам шашкой. Упал и в тот же миг его пронзил чей-то штык. Корнет вздохнул и выбрался из-под телеги. Прямо перед ним в единоборстве сошлись казак и немец. Не долго думая Андрей рубанул по спине драгуна. Наконец он осмотрелся. Бой подходил к концу, в страшном беспорядке лежали тела, сложно было сказать кто оборонялся, а кто нападал.

– Становись! Вы толкайте вон ту телегу, остальные снимай ствол! Жан, ты идешь с первым отрядом, я за вами, как доберетесь, просите помощи.

– Не получится, нас мало чтобы толкать телеги. Не говоря уже о втором оружии. Отправь несколько человек за помощью и сам езжай, с тебя раненого проку нет. Если ты действительно хочешь доставить пушки, то делай, как я говорю. – Их взгляды скрестились. Корнет кивнул и влез в седло одной из трех уцелевших лошадей.

– Пошла! – В этот миг земля и небо закрутились у него перед глазами. Что-то липкое потекло за шиворот. Звуки потеряли четкость. Он тряс головой и не мог понять, что происходит. Японцы снова шли в атаку. Нужно тащить орудия. Но некому. Остатки отряда из последних сил держат врага. Патронов нет, шашки и штыки уж не поднять. Можно лишь своим телом преграждать путь. Залитые кровью, постоянно скользящие в руках орудия, которые пытаются втащить на гору, но ничего не выходит. Одно из них срывается и катится вниз, дробя черепа. Оно проскакивает в метре от Андрея, успев выдавить кишки из какого-то бедолаги. А сзади самураи продолжают резать горячую плоть русских солдат. Хватит господи, нечем нам защититься. Совсем еще молодой Андрей падает на колени, руки бессильно висят вдоль тела, крупные слезы текут из глаз. Струями с горы течет кровь, и он стоит на коленях в этом ручье. В нем же поскальзываются и падают солдаты, роняя ящики с боеприпасами. Японцы все ближе, он уже не плачет, просто смотрит в пустоту, за ту грань, откуда не возвращаются. Серый и бессмысленный мир, уродливые и глупые люди. В метре от него прошел японский офицер, даже не посмотрев на него. За ним идут остальные. Все мимо, никто даже не притронулся к нему. Он так и стоял на коленях, пока вдруг не осознал, что все мертвы. Он тоже мертв.

– Очнись же! Быстрее несите его, я сказал, золотом всех осыплю, быстрее! – над ним было небо, затянутое дымом. Его куда-то несли. Андрей повернул голову и увидел француза. Жан-Жак стоял метрах в ста. Рот его был порван ударом сабли, края страшной раны

уродливо свилась, осколки челюсти торчали во все стороны. Он стоял совершенно спокойно в гуще боя. Вокруг кипела страшная резня, а он смотрел в глаза Андрею. Наконец наваждение пропало, француз исчез.

– Катите пушку! Подкладывай катки, быстрее! Впрягли лошадей? Давай, вывози! – Видимо одна телега так и осталась нетронутой. Теперь ее тащили новые, свежие лошади.

– Саша, долго я так?

– Да полчаса точно, и все про самураев кричал, ты ведь то же самое вспоминал?

– Мы ведь тогда погибли, поэтому до сих пор нас ничто не берет?

– Ну и дурак ты, друг мой. О господи, да остановитесь, не видишь, кишки на колесо мотаешь! Так ни у каких лошадей сил не хватит. Труп с колеса сними, окаанный! Быстрее кати, катки меняйте чаще! Вези его в крепость и чтоб ни одного волоска с его головы не упало!

Корнет снова посмотрел в затянутое дымом небо и провалился в сон.

Катенька, прекрасная моя Катенька! Я уехал в такой страшной спешке и так и не успел с вами попрощаться, как следует. Я думал, что уезжаю ненадолго, что будет еще время, что все у нас впереди! Как глупо с моей стороны. Знаете, я встретил удивительного человека. Ему дан страшный дар, видит он людей насквозь.

Всю свою жизнь я кому-то что-то доказывал. Отцу, друзьям, сослуживцам. И не было в этом меня. И не было жизни. Так уж получилось, что вас я, на самом деле, вовсе не люблю. Понимаю, больно вам читать такие слова, но так лучшие, чем вечная ложь. Катенька, устал я, как устал я жить чуждой жизнью.

Жить, это ведь не верно сказано. Не жил я до сегодняшнего дня, до того момента как вытащил он из моей души все, что я там прятал. И показал мне этот плут дорогу, но, увы, не могу. Не могу я отпустить все свои страхи и обиды. Ужас охватывает меня, когда понимаю, что пустота одна останется внутри. А как ее заполнить тут, где все только и делают, что боятся. Не хочу я наполнять ее страхом. Простите меня, Катенька. Впервые в жизни, проснувшись ото сна, желаю вам счастья.

Она сняла очки и прикрыла глаза. Долго хранила молчание, наконец, пристально посмотрела на гостя.

– Что с ним стало?

– Он выбрал смерть, мадам. – Паренек поднялся из кресла и неторопливо пошел к прихожей.

– Да кто ты вообще такой? – Ответа не последовало, человек в черной шинели уже вышел на лестницу, где закурил папиросу и торопливо зашагал вниз.

4

Человек в черной шинели стоял привалившись плечом к стене. Небо заволокло тучами, а потому темнота стала просто осязаемой. Он выглянул из-за угла, несколько секунд пристально вглядывался в темноту, наконец, увидел то, что искал – красный огонек папиросы. Это значило только одно – старший лейтенант смог донести послание до воров. Те собрались в церкви, а у входа стоит часовой, или как там у них это называется. Человек в черной шинели наклонился над большой сумкой, достал из нее немецкую штурмовую винтовку, щелкнул затвором, досылая патрон в патронник. Проверил подсумки и зашагал к церкви. Он шел очень тихо, но шагов за десять до цели его окликнули.

– Стоять, кто там? – Сигарету часового выкинул и чуть наклонился вперед, высматривая источник звука.

– Свои – К этому времени дистанция сократилась до семи шагов. Резкий взмах руки, хрип часового. Нож, который метнул пацан, вошел ровно в кадык. Хрипящий вор начал было оседать, но его убийца аккуратно подхватил его и плавно опустил на землю.

Он еще раз проверил всю амуницию, затем быстро заглянул в заколоченную дверь церквушки. В центре помещения костер, вокруг него десять человек. Судя по всему, они ничего не слышали. Диверсант сделал длинный вдох, отогнул одну из досок, которыми был заколочен вход, и метнул гранату, следом вторую и сразу же прижался к стене. Укороченные запалы не дали его жертвам опомниться. Грохнуло два раза. Паренек выглянул из-за угла. Костер погас, угли разлетелись по всей церкви. Они давали тусклый красный свет, отчего кровь, щедро разлитая и разбрызганная по полу и стенам, казалась еще краснее.

Человек в черной шинели долго осматривал останки убитых. Проверял каждый сохранившийся карман, осмотрел каждую руку, не зажато ли в ней то, что он ищет. Увы, поиски плодов не принесли.

На рассвете он поднимался по лестнице пятиэтажного дома. На пятом этаже человек в черной шинели бросил окуроч, затушил его ногой и постучал в дверь. Он едва успел отвести кулак после последнего удара, как она распахнулась.

– Чем могу служить? – На паренька сверху вниз смотрел сухой и по-военному прямой старик.

– Письмо вам, принес я, вот – Пацан стал дрожащими руками рыться в сумке. Удар в живот отшвырнул его назад, удар был так силен, что бедолага скатился по лестнице и замер в неестественной позе у батареи под окном.

– Так это ты тот таинственный почтальон, что поставил на уши весь город. – Старик спускался по лестнице, в руке у него зло блестел наган. Паренек зашевелился, послышался протяжный стон. Он почувствовал, как его, будто котенка, подняли за шкурку и швырнули в сторону. Он прокатился еще один пролет.

– Не бейте. – Нападавший не прислушался к просьбе. Старик беззлобно ударил паренька ногой в живот, того вырвало. Он снова поднял его и швырнул. Человек в грязной шинели даже не застонал.

– Приятно познакомиться, полковник Адонин, глава политического отдела. – Старик приковал руку паренька к трубе. Поискал взглядом сумку. Поднялся на этаж выше и найдя то, что искал вернулся обратно.

– Не бейте. – Пацан едва шевелил распухшими губами. Глаза он вообще не открывал.

– Что ты заладил, в наше время молодежь покрепче была. Я почитаю, если ты не против. – Полковник сел на ступеньку и стал изучать содержимое сумки

Здравствуй брат!

Что-то происходит, я чувствую это самым нутром. Эта война, она не такая, как русско-японская. Глупости, война такая же, но что-то случилось с самой Империей. Я чувствую, что вот-вот разразится буря страшнее той, в которой мне случилось участвовать. Именно сейчас я понимаю, как важно сохранить те узы, что связывают нашу семью. Матушка не приняла моего отъезда на фронт, но мог ли я поступить иначе? Долг офицера зовет меня сюда. Пусть простится мне мое лукавство.

Сизый табачный дым заполнял все помещение. И среди клубов его виднелись фигуры офицеров. Совет шел шестой час, кители расстегнуты, фуражки сняты. Красные глаза судорожно шарили по карте. Голоса стали хриплыми и низкими.

– Контратака необходима! Мы должны отбросить их от наших позиций! – Подполковник от кавалерии рубанул рукой как шашкой.

– Никто не спорит! Но сможем ли? – Каверзный вопрос задал тучный капитан со смешными усиками, должности его Андрей не знал.

– Вы позволите себе усомниться в силе русского оружия!? – Саша просто взревел и уставился на оппонента. Все присутствующие воззрились на капитана.

– Нет, несколько, просто...

– Так может вы сомневаетесь в доблести моих кавалеристов или в моей лично? – Подполковник понизил тон и навис над толстяком. Выглядел он не в пример лучше собеседника. Высокий, стройный, фигура его напоминала восклицательный знак, а выражение лица заставило бы задуматься даже самого яростного самурая.

– Нет-нет, упаси боже...

– Прекратите! Контратака будет, вам ее и возглавлять, только прекратите этот спектакль. Все свободны. – Комендант наконец принял решение. Офицеры поспешили выйти на свежий воздух. К бомбежке все уже привыкли. Конечно она не давала спать, но таких потерь, как в первое время, она уже не наносила.

– К чему этот совет, я не понимаю, решение ведь принято ставкой, контратака будет. – Андрей надел фуражку и пошел вслед за другом.

– Оставь нам эти игры, ты не хуже меня понимаешь, что происходило. Что, вышибем их с сосненских позиций? Ставлю три против одного, что их командование уже привезло любовниц туда. Пора бы им поделиться. – Подполковник сиял, глаза его уже видели картины доброй драки.

– Я еще во время русско-японской устал тебе напоминать, что ты женат. – Корнет закатил глаза.

– Ах, ты же не знаешь. Она теперь фаворитка великого князя. Брось, я теперь свободен как ветер. Да даже если бы и был женат. Во время войны мужчина не должен отказывать себе в маленьких удовольствиях. – Что-то изменилось в его поведении. Андрей пока не понял, что, но что-то точно изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.